

ВВЕДЕНИЕ

В публикуемом исследовании мифологические представления и обрядовые действия, связанные у румын с началом весны, сопоставляются с аналогичными явлениями культуры ряда других народов; раскрывается динамика функционирования данных явлений. Некоторые из рассматриваемых обычаев органично вписались в современную жизнь, в том числе в жизнь урбанизированного общества.

Календарная обрядность и мифология народов Карпато-Балканского региона привлекали и привлекают внимание исследователей различных специальностей — этнографов, лингвистов, фольклористов. Однако параллельное и последовательное сопоставление как мифологических представлений, так и обрядовых действий румын, связанных с началом весны, с соответствующими явлениями культуры других народов до сих пор не проводилось.

Прежде всего следует раскрыть ранее недоступный большинству российских читателей потенциал фольклорных и этнографических источников по теме календарной обрядности и мифологии этого интереснейшего региона Европы, в котором слились традиции многих народов и культур. Поэтому автор считает важным подробно аннотировать ряд трудов румынских и других исследователей.

Многие аспекты данной темы нашли отражение в монографиях и статьях отечественных и зарубежных этнографов, лингвистов и фольклористов. Впервые вводятся в научный оборот некоторые материалы фондов и архивов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Российского этнографического музея. Основу книги составили работы румынских исследователей, а также полевые материалы автора, собранные на территории Олтении, Мунтении, Баната, запрутской Молдовы (Румыния), долины реки Тимок (северо-западная Болгария), Республики Молдова и Одесской обл. Украины в 1998–2012 гг.

В сравнительно-историческом аспекте наиболее полно интересующие нас мифопоэтические представления румын (мартовская легенда и мотивированные ею хрононимы) описаны в статьях Л. Шэйняну «Старухины дни и легенда о Докии» [Șăineanu 1896] и Г.И. Кабаковой

«Структура и география легенды о мартовской старухе» [Кабакова 1994]. К ним примыкает энциклопедическая статья Т. Папахаджи «Март» [Papahagi 1979], где приведены примеры аналогичных представлений, отмеченных в ряде романоязычных ареалов. В публикациях Л. Шэйняну и Г.И. Кабаковой рассматривается весь ареал распространения мартовской легенды и сопоставляются ее варианты, бытующие у разных народов. Комплекс обрядов и отчасти мифопоэтические представления, связанные с первыми днями марта у болгар, исследуется Л. Йордановой [Йорданова 1972] и Л. Миковым [Миков 1985]. Мартовские обряды греков подробно исследованы в диссертации А.Н. Анфертьева «Календарные обходы и мартовская обрядность у народов Восточной Европы: преемственность и этнокультурные контакты» (см. также: [Анфертьев 1979а, б]).

О важности данного календарного обрядового комплекса свидетельствует и тот факт, что мартовской обрядности балканских народов был специально посвящен круглый стол «Мартеница. Mărțișor. Март'е. Verone...», прошедший в 2008 г. в Институте славяноведения РАН (Москва). Его материалы были опубликованы отдельным изданием [Мартеница 2009]. В ходе заседаний Т.В. Цивьян показала несколько ипостасей марта. «Многоликий балканский март» может быть приносящим весну и насылающим стужу, бывает март карнавальным и постный, март-мужчина и март-женщина. О.В. Чёха рассматривала те же мотивы на материалах новогреческого фольклора: «Ο Μάρτης ο πεντάγυμος». Л.А. Акимова попыталась проследить связь месяца марта с древнеримским богом войны Марсом и неудачливым соперником Аполлона — фригийским силеном Марсием. А.А. Плотниковой удалось получить новые мартовские сюжеты в полевых исследованиях под Буззу (Румыния) и проанализировать локализацию мартовской нити и других мартовских ритуалов в балканославянской и балканороманской зонах. Эту тему развила И.А. Седакова на примере современной городской культуры Болгарии, показав огромный символический потенциал мартовской нити (*мартеница*) — по сути, небольшой обрядовой реалии, которая в наши дни не только восстанавливает свои исконные семантические связи, но и обрастает новыми народно-религиозными и этнографическими сюжетами в связи с представлениями об этнической идентичности народов Карпато-Балканского региона.

Мифопоэтические представления и обряды, связанные с началом весны, рассматриваются в работах румынских этнографов и фольклористов, посвященных румынской мифологии и календарной обрядности

в целом. Наиболее ценными с точки зрения отражения региональной специфики восточнороманских мифологических представлений, фольклорных текстов и обрядовых действий, связанных с изучаемым нами календарным периодом, следует признать, в частности, следующие издания: А. Фоки «Народные обычаи и ереси конца XIX в.: ответы на вопросы Николае Денсушяну» [Fochi 1976], где содержатся ценные материалы по фольклору и этнографии различных областей Румынии (информация о мартовских легендах и обычаях локализуется по большей части в Олтении, Мунтении и румынской Молдове); И. Мушля и О. Бырля «Типология фольклора» [Muşlea, Bârlea 1970], где также отражены этнография и фольклор практически всех исторических областей страны, однако сведения, непосредственно касающиеся темы нашего исследования, затрагивают главным образом Мунтению, румынскую Молдову и Трансильванию; Т. Герман «Народная метеорология» [Gherman 2002], где приводятся материалы по этнографии и фольклору румын Трансильвании и Марамуреша; В. Скурту «Фольклорные исследования румынской Угочи» [Scurtu 1942], где изложены материалы по фольклору Марамуреша; Э. Петрович «Фольклор долины Алмажа» [Petrovici 1935], где содержатся сведения о фольклоре румын Баната; Т. Папахаджи «Из римского и латинского фольклора» [Papahagi 1923], где приводится информация по этнографии и фольклору арумын.

В настоящее время недостаток информации о региональной специфике румынской календарной (а также семейной) обрядности в определенной мере восполняет соответствующая серия «Румынского этнографического атласа», издаваемого Румынской академией. Отдельные его тома посвящены различным историческим областям Румынии — Олтении (т. 1), Банату, Кришане, Марамурешу (т. 2), Трансильвании (т. 3), Молдове (т. 4), Мунтении и Северной Добрудже (т. 5) [Sărbători... 2001–2009]. К сожалению, мало работ, отражающих трансформацию традиционной обрядности в современных условиях, в том числе в условиях больших городов. Одним из немногих известных автору исследований румынской календарной обрядности, содержащих подробную информацию об этом, является книга О. Хедешан «Лекции о календаре» [Hedeşan 2005].

Что касается отечественной литературы, то наиболее важными источниками информации для написания данной работы явились издания Института славяноведения РАН, в первую очередь монография А.А. Плотниковой «Этнолингвистическая география Южной Славии» (2004), а также различные выпуски серий «Славянский и балканский

фольклор» и «Исследования по славянской диалектологии» и ряд разделов этнолингвистического словаря «Славянские древности» под редакцией Н.И. Толстого. Использовались при написании данной работы и материалы «Малого диалектологического атласа балканских языков», подготовка которого была инициирована и осуществляется под редакцией А.Н. Соболева [МДАБЯ 2005].

Сохранение и развитие рассматриваемых явлений культуры в последние годы, возможно, связано с потребностью румын, как и ряда других этносов, подчеркнуть свою самобытность и древние традиции в рамках Европейского Союза. Многие исторические личности (например, господарь Влад Цепеш — Дракула), памятники архитектуры и искусства (монастыри, фрески), элементы материальной культуры (пища, экологический текстиль) призваны сформировать положительный имидж Румынии, привлечь зарубежных туристов, поэтому данная проблематика достаточно известна и из научно-популярных изданий. Мартовская нить также оказалась одним из устойчивых элементов культуры, привлекательных как для коренного населения, так и для сторонних наблюдателей.